

НА ЮМОР СПОСОБЕН

ТОЛЬКО ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Конечно, Матвей Яковлевич Грин имел в жизни большое разнообразие — и две лагерные отсидки, и девять правительственных наград, и звание «заслуженного...».

Казалось бы, чего еще человеку нужно?

Так он теперь ко всему прочему — начинающий патриарх. Патриарх остроумцев эстрады. Матвей Яковлевич до того дошел, что ему уже исполняется 80 лет.

Он не просто интересный человек. Он поразительно добрый и уютный человек. И не взгляды бы — не по годкам молжав.

Он, конечно, многим обязан людям. И каким людям! В журналистику его еще мальчишкой вовлек Михаил Кольцов. Лагерные нары его обучал обживать Ярослав Смеляков. Фронтovou бригаду создавал вместе с Махмудом Эсамбаевым. А в эстраду его буквально за руку привел Аркадий Райкин: «Вы через год за этим парнем будете бегать с просьбой что-нибудь написать».

Да, Матвей Яковлевич многим обязан людям. Но он и сам для людей немало всю жизнь делал. И уж об одном-то, к юбилею, скажу. Это сейчас и Жванецкий, и Арканов, и Задорнов, и Коклюшкин принужденно ходят в коридорах. А тогда их коллеги мыкались в безвестности и никому ненужности. Им все время давали понять, что Пушкин и Чехов писали лучше. О них даже, помнится, был фельетон «Люди в зеленых шляпах». Почему зеленых? Почему шляпах? Мне и сейчас кажется, что «так называемых» юмористов назойливо преследовали так называемые «критики». Ведь неудачно скривиться легче, чем удачно пошутить.

Так вот, в 1959 году Матвей Грин и Яков Костюковский, неутомимые рыцари людей не без чувства юмора, создали Объединение эстрадных драматургов. Кому-то это до сих пор не нравится. Ну и не надо. А кому-то и многим талантливым людям это помогло не мыкаться со своим талантом.

Так ответьте мне: Матвей Грин — патриарх или не патриарх?

Впрочем, я увлекся радостями. Что касается двух «посадок»... Во второй раз Грин угодил в Ивдельлаг. Александр Исаевич Солженицын писал, как он, сидя в Краснопресненской пересылке, загадывал: «Не дай Бог попасть в Ивдельлаг...» Так Матвей именно туда и попал.

Только, знаете, давайте не будем о грустном. Эти почтительные мои заметки Матвею Яковлевичу не нужны. Он из них ничего нового про себя не узнает. Значит, я пишу для людей, которые его просто любят. А я не хочу лишать их предоставившейся юбилейной возможности побыть с веселым, ласковым человеком. Не надо в юбилей о грустном. Давайте шутить и друг другу улыбаться.

— Матвей Яковлевич, начнем, если у вас было, с неведения.

— Мне не повезло с революцией. Мой папа был военной портной.

— Сын портного еврейской национальности жалуется на революцию!

— Не в том дело. Но гвардейские офицеры шли исключительно в долг. И мой нищий папа ухитрился разориться.

— Но зато беднякам, говорят, везет в любви.

— Еще как! 1 Мая 1935 года арестовали 36 сотрудников «Крестьянской газеты». И я оказался на Печоре. Клава первой из жен туда добралась. Добиралась в пути целый месяц. Потом месяц жила поблизости. А уехать обратно нет ни копейки. И что бы вы думали! У Клавы была с собою одна-единственная облигация. Так именно эта облигация выиграла. Вы видите, какие мы с Клавой везучие.

— Простите, я, кажется, в своих вопросах несколько неуклюж.

А кто в вашей жизни был самым веселым и остроумным?

— Конечно, Виктор Ардов! Как-то глуповатый стихоплет ошаршил всю нашу компанию: «Вызывает меня Ленин и говорит...» Ардов немедленно подхватил: «А я знаю, что тебе Ленин сказал. Ленин тебе сказал: «Если ты, Федор, будешь писать такие плохие стихи, то будешь иметь дело с Дзержинским».

— Кстати, о Дзержинском. А как в лагерь было дело с юмором! Я никогда не забуду слова Варлама Шаламова, что лагерь ничему хорошему человека не научит.

— Ну, эковский юмор я опущу. У вас в корректуре ведь женщины работают.

А вот у товарищей начальников юмор бывал довольно своеобразный.

Мне через все шмоны удалось утаить крошечную фотографию моего сыночка. Мама ему сказала, что папа в командировке. Когда я первый раз вернулся, он, маленький, стал называть меня «дядя». Вы можете себе представить?

Ладно! И совершенно случайно, без всякого шмона, эта фотография попала на глаза майору. Он ее увидел. «Это же надо! — усмехнулся майор, обращаясь к своему окружению. — От такого симпатичного ребеночка зачем-то в лагерь уехал». Окружение заржало, оценив юмор начальника. «Я не уехал, — сказал я. — Меня увезли». Это могло дорого мне обойтись, но у майора было хорошее настроение. И «свита короля» была благожелательна. Они охотно оценили мою несчастную реплику и согнулись от хохота наполовину.

Впрочем, это вполне входит в систему юмора. Их юмора.

Однако судить не берусь. Уже потом, в «следующий раз», в Ивдельлаге, я вел концерт, который набрали из эзков. Состав был, доложу вам! Чего только стоил знаменитый баритон Дмитрий Данилович Головин из Большого театра.

И вдруг перед самым началом ко мне в пене подбегает офицер:

— Генерал не велел объявлять фамилии.

— А как же?

— По номерам!

И представляете, я объявлял: «Выступает солист № 475421!» А в первом ряду, заложив ногу на ногу, одобрительно улыбался генерал. Впрочем, это, возможно, тоже был юмор.

Что-то вы меня настроили не так. А можно над собою посмеяться?

— Ну если юбиляр не возражает.

— Мы как-то выступали со Жванецким. Миша ушел чуть пораньше. После концерта за кулисы врывается девица: «Жванецкий уже ушел! Ну ладно, подпишите программку вы. Только неразборчиво».—

«Зачем же неразборчиво?» — «А я всем буду говорить, что это Жванецкий».

— Вам, видимо, присуща самоирония.

— А что поделаешь, если слишком много поводов?

Как-то мы прилетели в Ереван на декаду русского искусства. Три огромных самолета, набитых артистами. Нас встречают с цветами, фотографируют.

Утром ко мне в гостиничный номер врываются Лисицян и Ростропович, будят меня и вопят: «Скорее! Это надо видеть!»

Перед гостиницей на стенде развешены фотографии о вчерашней встрече на аэродроме. На довольно крупной фотографии я спускаюсь по трапу и лучезарно всем улыбаюсь. Подпись под фото: «Хор имени Пятницкого в Ереване». Как вы видите, если я и похож на хор, то не так уж и Пятницкого.

— А как насчет розыгрышей!

— Конечно, Зига Кац!

Как-то композиторы Сигизмунд Абрамович Кац и Дмитрий Яковлевич Покрасс высиделись на перроне в городе Грозном. Глубокая ночь. А все ресурсы исчерпаны еще в пути. А насчет выпить оба композитора были большие музыковеды. То есть происходит ту-пик в жизни.

«Ложись, и чтобы у меня тут же умирал!» — приказал Кац. Покрасс лег и стал добросовестно умирать.

Сигизмунд звонит из телефонного автомата в «скорую помощь»: «Тут на вокзале умирает выдающийся советский композитор Дмитрий Яковлевич Покрасс!»

«Скорая» немедленно примчалась. Растерянная девочка в белом халате бегаёт вокруг умирающего Покрасса. А Покрасс лежит и умирает.

— Я давно знаю этого умирающего композитора, — сказал Кац. — Ему надо немедленно сделать спиртовой компресс. А то он умрет. Я его знаю.

— Ой, а я этого никогда не делала!

— Ничего, я вам помогу, — сказал великодушный Кац. — Оставьте бутылочку спирта и, главное, побольше ваты.

Медицинская девушка успокоилась и уехала. А композитор Покрасс тут же воскрес и стал отнимать у композитора Каца отнюдь не вату.

— А как относятся к юмору в семье!

— Можно подумать, что вы в своей семье огромный пророк!

За последние 57 лет совместной жизни Клавдия Алексеевна ни разу не была ни на одном моем выступлении. Она говорит, что лучше подождет, когда я уже приду домой с цветами.

— Так, может быть, это говорит как раз о том, что у нее превосходно развито чувство юмора!

— Я понимаю, юбиляра может обидеть любой.

Слушайте, неужели мне всего лишь 80 лет?

Когда-то Николай Павлович Смирнов-Сокольский мне сказал:

«Замолчи, мальчишка, ты еще не понимаешь! Не страшно умереть, страшно дожить до того времени, когда выйдешь на улицу, а поздороваться не с кем».

Нет, я не жалею. Но немножечко грустно.

Эдуард ГРАФОВ.